

кусство своими гениальными завоеваниями в области музыкальной мысли.

Нам же теперь, имея постоянно в виду великие художественные заслуги М. И. Глинки, остается при каждом случае соболезновать, что и кроме гениальности, есть еще довольно сильные помехи распространению его славы.

Эти препятствия: 1) язык, на котором писаны его песни и романсы, язык — для Европы чужой, а в переводе, как известно, почти вся прелесть песни, романса — утрачивается; 2) выбор сюжетов для его опер, исключительно национальных и мало симпатичных для публики нерусской.

«Честь в стране родной», конечно, девиз для каждого истинного художника. Но беда, если приходится начинать с «этой» чести, — а родная страна еще не выучилась ценить отечественные таланты по достоинству и ждет всегда приговоров чужеземных¹⁸.

Л. И. ШЕСТАКОВА

БЫЛОЕ М. И. ГЛИНКИ И ЕГО РОДИТЕЛЕЙ

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой.

Пушкин

ПРЕДИСЛОВИЕ

Начинаю мои воспоминания о близких покойных и прошлом дорогом времени в 1893 году, мая 30-го, в день сорок второй годовщины по кончине матери моей, Евгении Андреевны Глинки¹.

Нас было 13², но все братья и сестры мои умерли, а я, оставшись одна, охотно исполняю желание В. В. Стасова и других — написать все, что слышала и помню о нашей семье, особенно же о брате — Михаиле Ивановиче; и это дает мне возможность вторично, хотя в памяти, пережить прошлое.

Я была младшая и не могла не только помнить, даже знать давнишние события и детство брата моего, М. И. Глинки. Я родилась в 1816 году, а брата отвезли в только что открывшийся в Петербурге Благородный пансион в 1817 году, и потому мои первоначальные воспоминания будут основаны на рассказах мне матери и других лиц. Магь моя, не дожив до глубокой старости, лишилась зрения; я была при ней неотлучно последние три года ее жизни, и всякий раз, когда я замечала, что она сильнее грустит о своем несчастье, я просила ее рассказать что-нибудь о старине, о дедах, бабушках, отце, брате Михаиле Ивановиче, — вообще о семье, и она оживлялась, говоря о них.

Передавая слышанное от нее, постараюсь быть последовательной. Память моя сохранила многое, и я надеюсь, что тот, кто будет писать пространную биографию брата, найдет что-нибудь поместить в ней из моих воспоминаний.

ПЕРИОД I

О дедах, отце и матери

Дед мой со стороны отца, Николай Алексеевич Глинка, с женою своею, Феклой Александровною, жили в своем родовом имении — селе Новоспасском, близ города Ельни, Смоленской губернии. Дед был человек тихий, добрый, очень богомольный; он даже ездил в город Тихвин.

...перу с лицевым там большого образа Тихвинской божией матери, заказал такой величины образ в богатой ризе и пристроил вверху церкви своей в Новоспасском придел в честь этой иконы; 26-го июня там престольный праздник.

Бабушка же была, напротив, женщина в высшей степени энергичная; все бразды правления были в ее руках. Она была не злая, но позволяла себе пользоваться правами над крепостными людьми и не совсем хорошо обращалась с ними.

По кончине деда, детей осталось 9 человек³. Они, исключая отца моего, были почти совершенно необразованны; имели средства, жили в деревнях своих и занимались хозяйством. Только дядя Дмитрий Николаевич любил птиц и был страстный охотник, держал много свор собак, борзых и лягавых.

Родовое имение Новоспасское, по желанию деда, в 1805 году поступило к меньшему сыну, отцу моему, Ивану Николаевичу Глинке, с тем условием, чтобы мать его жила с ним до ее кончины и распоряжалась всем, как прежде, полновластно, что, конечно, отец исполнил.

Мать же моя Евгения Андреевна, тоже Глинка по рождению (но родства между ею и моим отцом не существовало⁴), родителей своих не помнила; она осталась сиротой очень рано и жила у старшего брата своего, Афанасия Андреевича Глинки, и жены его, Елизаветы Петровны.

У матери моей было две сестры: старшая Александра Андреевна, в замужестве за помещиком А. И. Булгаком; она была довольно образованная и хорошая женщина. С сестрой этой мать была очень дружна, и мы все почти не разлучались с ее детьми; к несчастью, все они очень рано умерли; остался один внук, сын дочери, Владимир Михайлович Нахимов, который теперь предводителем дворянства в городе Ельне.

Вторая сестра моей матери, говорят, была очень красивая и милая девушка; звали ее Марфа Андреевна. Она не была замужем и с нею случилась очень печальная история. В молодых годах она сдружилась с одной девицей, фамилии не упомяну, которая впоследствии вышла замуж за г-на Р. Тетка моя, Марфа Андреевна, хотя имела свои хорошие средства, но, по их неотступным просьбам, переехала жить к ним. Сначала все шло великолепно. Прошло года два; Р. начали понемногу брать деньги у тетки и, когда забрали весь ее капитал, без церемонии выгнали ее из дому. Она переехала в село Шмаково и стала очень скучать и задумываться. Мать говорила, что они употребляли все возможное, чтобы развлечь ее; делали консилиумы, ничто не помогало. Она была так сильно потрясена поступком подруги, которую любила, что в скором времени лишилась рассудка.

Мать возила нас, маленьких к ней; она была тихая, ласковая; воображала себя английской королевой и каждому из нас давала по лоскутку бумаги: на нем был написан приказ английскому министру финансов, который никто не мог разобрать, о выдаче нам по десяти миллионов. Она жила очень долго и умерла уже старухой в имении своего брата, селе Шмакове.

Братьев у моей матери было три: старший — Афанасий Андреевич, который был ее опекуном, второй — Павел Андреевич, умер очень молодым, и меньшей — Иван Андреевич. О нем брат тоже говорит в своих записках. С ним Михаил Иванович часто играл в 4 руки; он страстно любил музыку и нередко бывал у нас зимою с 1851 на 1852 год, когда мы с братом жили в доме Жукова, на углу Невского и Владимирской. А потом вскоре Иван Андреевич умер.

Дядя Афанасий Андреевич, по словам отца и матери, был человек образованный и светский; жил весело, открыто, любил все изящное. У

него были, не только свой оркестр, но своя крепостная труппа. Он отдавал в Петербург учиться молодых девушек и мальчиков. Были танцовщицы, певицы и певцы; давались отрывки из опер в небольшом театре. Помню, что раз, ребенком, отец повез меня к нему в какой-то праздник. Дядя любил очень птиц и у него была большая комната для них. Имение его—село Шмаково находилось в 7 верстах от Новоспасского, где жил отец мой, Иван Николаевич Глинка, со своими родителями. Соседи видались часто и были дружны.

Мать моя была красавица, к тому же очень хорошо воспитана и прекрасного характера. Отец мой был от природы умный и по тому времени очень образованный молодой человек. Понятно, что, видаясь часто, они полюбили друг друга. Долго уговаривали и упрашивали опекуна согласиться на их брак, но все мольбы были безуспешны. Бабушка, видя сильную привязанность своего 18-ти-летнего сына к молодой 14-ти-летней девушке *, посоветовала ему увезти ее и способствовала в этом.

Мать моя согласилась. Каждое утро очень рано она ходила купаться, и в условленный день, 30-го мая 1802 года, в 5 часов утра, она оделась в свое лучшее белое платье, а ежедневное и все остальное взяла с собою. В назначенном месте бабушка с сыном своим ожидали невесту, сидя в экипаже. Она на берегу озера разложила весь свой будничный костюм и уехала с женихом и его матерью в Новоспасское. За каретой ехало 12 верховых, на случай погони, и, по проезде кареты, разбирали все мосты по дороге. Но в Шмакове, не подозревая ничего, спали спокойно и только в 9 часов утра послали в комнату барышни звать ее пить чай. Не найдя ее там, пошли к озеру, думая, что она запоздала встать; но увидя на берегу ее белье, платье и обувь, подняли крик, начали баграми и сетью искать тело в озере. Это все отняло много времени, и мать моя была уже обвенчана с отцом в Новоспасском, где священник заранее ожидал их в церкви, и она вошла в дом отца уже его женою.

Дядя, видя, что все поиски тщетны, смекнул правду и отправил людей в погоню до Новоспасского, но опоздал. Бабушка призвала к себе главного из посланных и поручила сказать дяде, чтоб он сегодня же непременно явился в Новоспасское. Но дядя рассердился и не поехал. Тогда, на завтра, бабушка сама поехала в Шмаково, и, когда дядя вышел ее встретить, она без всяких разговоров ему сказала: «Полно тебе, мой батюшка, дурить! все уже кончено; садись-ка со мною в карету и поздравим вместе наших молодых». И дядя должен был согласиться: все уважали старуху.

Вот как устроилась свадьба моих родителей. Они всю жизнь свою уважали друг друга и были счастливы.

Первый сын их, Алексей, умер очень маленьким, и мать говорила мне, что отец и она были неутешны. Но в 1804 году, 20-го мая, в 6 часов утра, родился второй сын их, известный всем,— Михаил.

По рассказу матери, после первого крика новорожденного, под самым окном ее спальни, в густом дереве, раздался звонкий голос соловья, с его восхитительными трелями, и мой отец, когда был впоследствии недоволен тем, что брат оставил службу и занимался музыкой, часто говаривал: «Не даром соловей запел при его рождении у окна, вот и вышел скоморох».

Невольно приходит на мысль: ежели бы отец услышал «Жизнь за царя» и «Руслана», уже, верно, даже в минуты гнева, не назвал бы брата скоморохом.

* Ошибка Шестаковой: И. Н. было 25 лет, а Е. А.—18 лет.

Но буду продолжать рассказ. Ужасное было положение родителей того времени, когда, вскоре после рождения брата, они должны были отдать его в полное распоряжение старухи его бабушки. Теперь, понятно, этого никто не сделал бы, но тогда покорность воле старших должна была принести ей в жертву самое горячее и естественное чувство.

Брат пишет, что он прожил у бабки до ее кончины. Она скончалась в 1810 году, значит, он жил у нее 6 лет: довольно времени, чтобы повредить здоровью ребенка тем воспитанием, которым его окружали; а отец с матерью должны были беспрекословно подчиняться.

Обращаюсь к рассказу матери о брате.

Он был с детства кроткий, способный, богомольный и до конца жизни остался верующим. Доказательством служит то, что он умер, держа в руках образок — благословение матери, который хранится у меня.

Почти самоучкой начал он читать церковные книги: священник, который бывал у бабушки, показал ему титлы и, придя через несколько дней, был удивлен, что он уже порядочно разбирал книгу.

Самое любимое занятие брата было рисовать церкви мелом на полу и, быв вообще кроток, он выходил из себя, ежели кто-нибудь наступал на его рисунок: топал ножками, сжимал кулаки и горько плакал, приговаривая: «На церковь наступили!»

О колоколах говорить не буду, это уже известно⁵.

Покуда он жил у бабушки, у него никаких друзей и товарищей не было; он рос совершенно один до шести лет и с самого рождения был постоянно окружен женщинами. Бабушка потешала внучка следующими милыми играми: собирала нескольких дворовых девочек, наряжала их птицами-индейками, т. е. на ноги надевались рукава, а на голову завязывалась рубашка, и они, ничего не видя, должны были танцевать; конечно, выходили смешные столкновения, и брат искренно смеялся.

Няня его, которая была при нем у бабушки, Татьяна Карповна, рассказывала мне, что брат никогда не мог видеть, когда убьют муху или насекомое, и, видя или слыша, как бабушка бывало сердилась на прислугу или крестьян, только она начинала кричать, немедленно выбежал из комнаты, бросался к няне на шею и горько плакал. Один раз бабушка, заметив это, стала остерегаться, а няню наказала, говоря, что это она его научила. В то время верно не полагалось в детях чувство!

Вторая няня, или, как теперь называют, поднянька, в помощь Татьяне Карповне, была молодая, веселая женщина, Авдотья Ивановна, которая знала много разных сказок и песен. Впоследствии она была моей няней; жила долго и рассказывала мне следующее: «Страшное наше житье тогда было; я боялась вашу бабушку, как огня: как заслышу ее гелос, так хоть бы провалиться! И бывало, когда бабушка заметит, что Михаил Иванович скучен или не совсем здоров, сейчас крикнет: Авдотья, рассказывай сказки и пой. И барчук, как звали мы его, всегда был доволен этим!»

Так прошли шесть лет жизни брата.

ПЕРИОД II

От кончины дедушки и бабушки до моих воспоминаний о брате.

Дедушка Николай Алексеевич скончался в 1806 году, а бабушка в 1810 году. После ее смерти, брат Михаил Иванович и имение Новоспасское поступили в полное распоряжение моих родителей.

Мать говорила, что отец очень любил семью и все свободные минуты от хозяйства и дел отдавал ей. Брата он особенно любил и радовался, что есть наследник.

A. H. СЕРОВ

По словам матери, ей с братом ладить было не трудно, несмотря на его избалованность. Он был такого мягкого характера, что малейшему ласковому слову повиновался и, напротив, жесткое, даже серьезное слово его приводило в нервное раздражение.

Матушка распорядилась следующим образом: она оставила при нем старуху и молодую няню, к которым он привык, но отдалила от него все неуместные забавы, и, когда замечала, что он иногда сначала скучал, вспоминая о бабушке, или об играх, которыми его там окружали, она старалась сейчас же занять его чем-нибудь другим. Он скоро привык и привязался к маленькой сестренке своей, Пелагее Ивановне, которая была годом моложе его и которую он видал прежде очень редко, хотя жили в одном доме: но его к родителям не пускали, иногда приносили или приводили Полю к бабушке, которая всегда встречала ее словами: «Девчонка, дрянь, несите ее вон!» И мать, избегая этих возгласов, почти никогда не подвергала девочку им.

В 1811 году родители пригласили в дом вдову землемера, И. Ф. Мешкову, с маленькой дочерью, Катей, годом старше брата. Других товарищей детства он не имел, кроме этих двух девочек. У соседей, с которыми наши родители были знакомы, мальчиков приблизительного возраста брата не было, а позволить своему сыну заниматься с детьми мелких дворян, мещан или крепостных считалось тогда унижением.

В 1812 году, по случаю войны, вся семья должна была переехать в Орел, чтоб избавиться от грабежа, а главное неприятностей и оскорблений от разных забегавших солдат и крестьян, недовольных своими помещиками.

Хотя брату было тогда уже 8 лет, но он страстно изучал звон каждой церкви.

По возвращении в Новоспасское, в 1813 году, родители нашли все в сохранности; хотя из строений было многое разорено, потому что французы проходили близко⁶, но имущество все было ограждено и скрыто крестьянами. Они любили отца моего. Он не только обращался с ними человечно, но с радостью и любовью узнавал их нужды и помогал им. В губернии нашей многие помещики, по случаю войны, были совершенно разорены своими крестьянами. Не только те, которые уезжали на это время, но даже при самих помещиках обирали все, что только хотели, и даже мучили их, а иных убивали.

По окончании войны, родители пригласили для брата, сестры и Кати, воспитывавшейся вместе с ними, француженку — Розу Ивановну; но она могла пробыть весьма недолго, и ее должны были отправить назад в Петербург.

В это же время брат особенно пристрастился к чтению. Сказочки и стишки его не интересовали, а любил он читать или слушать рассказы о путешествиях, странах, производительности, городах и природе.

Хотя у нас стоял большой шкаф с книгами, но библиотека была небольшая старинная. Помню, что там находились 12 томов «О странствиях вообще»⁷, «Всемирная история» и другие, изданные еще при императрице Екатерине.

Но добрый родственник, Александр Иванович Киприянов⁸, очень образованный, имел хорошую библиотеку серьезных книг и выписывал все вновь выходящее. Он привозил книги брату, читал вместе с ним, много ему рассказывал, — любознательность мальчика ему очень нравилась. Когда они дошли в путешествии Васко да Гама до разных островов Индийского Архипелага, брат был в таком восторге, что принялся изучать описание этих прелестных островов и впоследствии говорил мне,

что это, он полагал, было причиной его привязанности к географии и путешествиям.

Мать рассказывала, что брат по несколько часов не отрывался от книги, так что она должна была каким-нибудь способом отдалять его от чтения. С сестрой и Катей он иногда бегал, играл, но больше любил сидеть дома и читать.

О том, как проявилось первое чувство его к музыке, он сам говорит в своих «Записках».

В 1815 году родители пригласили из Петербурга гувернантку, воспитывавшуюся в Смольном монастыре, Варвару Федоровну Кламмер. Она была хорошо образована, учила брата и двух девочек по-русски, по-французски, географии и игре на фортепьяно. Во всем брат успевал удивительно. Она прожила в нашем семействе до 1817 года и превосходно приготовила брата к экзамену в Благородный Пансион, вновь открытый тогда в Петербурге при Главном Педагогическом Институте, ныне он превращен в первую гимназию.

В начале 1817 года, в 20-х числах января, отец устроил большой, удобный возок и отправил мать с братом Михаилом Ивановичем и сестрою Пелагеей Ивановной в Петербург. Но так как сам по делам службы не мог сопутствовать им, то поручил дяде Афанасию Андреевичу, бывшему опекуну матери и брату ее, ехать с ними.

Возок был теплый, обит внутри мехом и такой обширный, что в немместились: мать, дядя, Варвара Федоровна Кламмер, брат 13-ти лет, сестра 12-ти лет и горничная.

Мать говорила мне об этом путешествии относительно брата, что он всю дорогу уверял сестренку свою, что они едут открывать новую страну, новые земли. «Ведь Колумб открыл Америку, и я открою какую-нибудь землю, обо мне будут печатать в книгах, а я в новых землях буду устраивать разные концерты, оркестры, музыку и много хороших музыкантов». Или превращался в Робинзона, а сестра была у него Пятницею. На эту тему тоже вариаций было без конца, но мать подробностей сохранить в памяти не могла, а помнила, что они все, взрослые, конечно, не давая заметить брату, вслушивались со вниманием в его рассказы сестре и под иной час посмеивались увлечениям и пылкому воображению мальчика. Он так горячо и правдиво относился к своим рассказам, что нельзя было не порадоваться, слушая его; в них не был забыт и Васко да Гама.

О помещении брата в пансион и жизни в Петербурге мать ничего не помнила⁹: ей было много хлопот, а она первый раз была в столице.

Но об этом пишет брат в своих «Записках», равно и о том, что он каждое лето ездил в деревню на каникулы, когда был в пансионе. Но понятно, что я первые приезды его не могла помнить, а начала сознавать их с 1823 года, именно по возвращении его с Кавказа.

ПЕРИОД III

Мои воспоминания о брате

16 сентября 1823 года брат возвратился с Кавказа в Новоспасское, привез мне куклу и пробыл всю зиму в деревне до апреля месяца.

Брат и тогда, и впоследствии любил, чтобы жизнь его текла покойно и аккуратно, и потому у него всегда было распределено время для занятий.

В деревне вставали довольно рано; после чая он обыкновенно писал музыку или что другое, потом долго играл на рояле, а перед обедом

читал. Обедали мы всегда в 1 час дня; после обеда он брал нас, меньших, к себе в комнату, устраивал нам игры и даже вздумал в одной из своих комнат приладить для нас гору, с которой мы катались в тазах. Гора эта была сделана нижеследующим образом: брат приказал принести доски, один край их был положен на окно, а другой оставался на полу.

Комнат у брата было две; их разделял небольшой коридор, но двери обеих комнат были почти одна против другой. На помещенном здесь рисунке деревенского дома, где родился брат¹⁰, три крайних окна наверху с правой стороны — это была его спальня, очень большая комната, окнами в сад. Другая же, напротив, была тоже с тремя окнами, где с раннего утра было солнце. Брат отдавал ее птицам; в ней стояли ели и много невредных растений из оранжерей. Птиц у него было более 16: между ними были варакушки, ольшанки, черноголовки, малиновки и даже соловей; все они летали на свободе по комнате, в которой для брата была поставлена кушетка; он часто лежал на ней и прислушивался к их щебетанию и пению. Помню, что он иногда брал меня с собою, приказывая сидеть смирно. И всегда, после того как побудет у птиц, возвратится в свою комнату, садится за рояль и играет долго, долго.

Меня тогда же он научил модной в то время песне: «Пчелка златая, что ты жужжишь?», и его очень забавляло, как я это пела; равно и то, что, не понимая смысла, знала наизусть почти всю балладу Жуковского — «Людмила».

Отец мой сам выбрал мне имя, очень меня ласкал и постоянно прибавлял несколько слов из баллады, называя меня. В угодность ему меня выучили этой балладе.

Брат занимался музыкой очень много и пробыл в деревне от сентября 1823 года до апреля 1824 года; в апреле он уехал в Петербург. Хандрил иногда немного, но оркестр дяди Афанасия Андреевича и вообще музыка его воскрешали.

В ноябре 1825 года родители сообщили ему, что к его товарищу и другу — старшей сестре, Пелагее Ивановне, сватается жених, который ей нравится, но они не хотят решить дело без него. Брат немедленно взял отпуск и в декабре приехал. Кажется, он заезжал в Москву, но утверждать этого не могу.

Теперь мне захотелось сказать несколько слов об этой сестре моей, Пелагее Ивановне, которая умерла 8-го июня 1828 года, на 23-м году своей жизни.

Не буду говорить об ее качествах; довольно сказать, что ее муж, прожив после нее 20 лет, был неутешен и не женился. Что было удивительно в ней: взглянув на нее, вы не нашли бы ни одной правильной черты, несмотря на это, равно и на то, что она, балуя, подожгла себе брови и была совершенно без бровей, она была чрезвычайно хороша. Выражение глаз и улыбка выкупали все; ею нельзя было не любоваться. К сожалению, с ее взрослой портрета нет: ведь мы жили в глуши, в деревне. Один только и есть ее портрет, который снят с нее вместе с матерью и братом, на табакерке, в 1817 году в Петербурге, когда ей было 12 лет.

Приезд брата в Новоспасское был встречен восторженно. Сестра Пелагея Ивановна со слезами бросилась к нему; они долго говорили, и потом брат с родителями и претендентом на руку сестры, соседом, Яковом Михайловичем Соболевским, ушли в кабинет и затворили за собою двери. В это время сестра ходила босиком.

ственники и семья молчали и сидели тихо в зале. Я смотрела на все удивленными глазами, не понимая, что все это означает.

Спустя довольно долгое время, брат вышел из кабинета, обнял сестру Пелагею Ивановну и пошел с нею обратно. Вскоре отец вошел в зал, ведя за руки сестру и Якова Михайловича, со словами: «Прошу поздравить жениха и невесту». Пошли поцелуи, пожелания; все радовались, а виновники этого торжества были довольнее всех. Сестра из бледной, взволнованной превратилась в счастливую, с прелестным выражением в хороших глазах своих и с очаровательной улыбкой, вся оживленная, обновленная.

Помню живо этот день и с большим удовольствием вспоминаю о нем; жалея, что все и всё так рано исчезли; но благодаря судьбу за то, что они были.

О других членах семьи нашей писать особенно нечего. Нас было еще пять сестер: Наталья, Елизавета, Мария, я и Ольга; все были замужем. Братьев было два: Евгений и Андрей; оба умерли юношами. Остальные скончались детьми. Иные из сестер, и я в том числе, играли и пели понемногу для себя, но таланта ни у кого не было.

В начале января 1826 года матушка, сестра и брат уехали в наш губернский город — Смоленск закупать приданое. Брат воспользовался этим случаем, чтобы развлечься немного.

Свадьба была в конце января; числа не упомяну. Брат был шафером сестры. На свадьбе присутствовали все родственники, не говорю о близких, даже дальние. Между ними была 18-ти-летняя дочь г. Ушакова, очень милостивая девушка. И вдруг брат, в день свадьбы, после обеда, когда она сидела, разговаривая с другими девицами, подошел к ней, стал на колени и, сняв с ее ноги башмачок, влил в него шампанское и выпил за ее здоровье. Мне было противно и даже гадко это видеть. Ушакова брату очень нравилась и, кажется, сама была равнодушна к нему. Брат был прекрасно сложен, хотя невысокого роста, имел умное лицо и выразительные глаза. Помню, что один раз он подошел к зеркалу и, взглянув, сказал: «Je suis joli garçon!»*. Я, не понимая ни слова по-французски, спросила у него: Что это значит? Он ответил: «Научишься по-французски, узнаешь».

По окончании свадебных поездок к близким родственникам, брат спать уехал в Смоленск, где играл на домашнем театре у г. Апухтина; он пробыл там масленую неделю и возвратился в Новоспасское.

Поселившись попрежнему в своих комнатах, он завел птиц, занимался чтением и музыкой. На все вопросы отца и матери относительно хозяйства отвечал: «Все, что сделаете, будет хорошо». Меня он брал часто к себе. Без его позволения мы не смели приходить.

В этот приезд было мне назначено два часа в день быть у него: от 11 до 12 час. утром и от 3 до 4 час. после обеда. Утром он спрашивал у меня заданную накануне басню или стихи, показывал картины, рассказывал о многом, чего я не знала. А после обеда речь шла о музыке: повторялось вчерашнее, задавалось новое к завтрашнему уроку.

Надо заметить, что брат был чрезвычайно аккуратен и так умел ловко преподавать, что я с радостью училась у него. Тогда как прежде мне задавали басни и стихи в долбляжку, я выучивала их, говорила бойко, но решительно без всякого понятия; уроки эти мне были неприятны, я ленилась и очень неохотно шла, когда слышала требование встать в классную комнату учиться.

---

* Я красивый мальчик (франц.)

В мае того же 1826 года брат отправился в Петербург на службу и до 1828 года не был в деревне.

В 1828 году, в марте, он посетил родителей, но пробыл недолго. В этот приезд он в последний раз видел свою любимую сестру, Пелагею Ивановну, которая в этом же году скончалась*. Тогда же он не застал в живых и дядю Афанасия Андреевича, который умер годом раньше. С кончиною его расстроился оркестр в селе Шмакове, которое досталось по наследству брату его, Ивану Андреевичу Глинке, и теперь там живут его сыновья.

В апреле брат уехал в Москву к товарищу своему по пансиону, пробыл у него до мая, а в мае поспешил на службу, но вскоре вышел в отставку. Хотя отец был этим недоволен, но мать сумела смягчить его гнев.

Брат остался некоторое время в Петербурге, однако, ездил иногда на несколько дней в Москву к приятелю своему, Мельгунову. Там и в Петербурге знакомство его с молодыми людьми расширялось, и он был доволен, а все рвался ужасно за границу, часто хандрил и был нездоров.

В октябре 1829 года мать, узнав о его постоянном нездоровье, поехала в Петербург, и брат охотно приехал с нею в Новоспасское.

Участие и внимание матушки и семьи к его недугам, настоящим или воображаемым¹¹, успокоили его, но мысль о поездке за границу завладела им еще сильнее. Отец долго не соглашался, но потом, видя, что отказ его серьезно огорчает брата, он сам предложил ему исполнить его желание; а так как отцу необходимо было ехать, по делам, в Петербург, то он взялся устроить, чтоб отпустили с братом тенора Иванова, из Придворной певческой капеллы, для усовершенствования в пении его прелестного голоса. Отцу удалось дело, и в апреле певец Иванов, впоследствии знаменитый, приехал в Новоспасское. Задуманный глас его прекрасно звучал в большом, высоком зале нашего дома.

Этот приезд брат провел в Новоспасском от октября до апреля, не выходя на воздух. Обстановка его и занятия были прежние, только он еще более играл и сочинял¹².

Со мною он занимался уже не два часа в день, а более четырех. Хотя мне было 13 лет, но родителям трудно было постоянно иметь гувернантку, и меня весьма неохотно учили старшие сестры — Наталья и Елизавета; я не скрою, очень неаккуратно. Брат же, напротив, отнесся к делу образования моего с любовью; он меня приохотил и, благодаря ему, я, несмотря на мои 77 лет, постоянно люблю быть занятой.

Он мне давал читать историю и другие вещи, потом я должна была рассказать читанное своими словами; продолжал писать для меня географию¹³, а также обращал большое внимание на музыку. Я довольно хорошо разбирала печатные ноты, но написанные решительно не могла; брат заставлял меня писать их, сам писал для меня небольшие, легкие вещицы и заставлял разбирать их при себе. Играл со мною увертюры в 4 руки: «Joseph»** Мегюля, «Nozze di Figaro»*** и другие. Особенно помню две увертюры: «Lodoiska»****, которую я играла недурно, и брат был доволен мною и «Don Juan»*****. Над этой последней увертюрой я пролила много слез: брат требовал, чтоб я играла ее бы-

* Брат в 1829 году для ее мужа написал романс на слова Жуковского «Голос с того света». — *Примечание Л. И. Шестаковой.*

** «Иосиф»

*** «Свадьба Фигаро» Моцарта

**** «Лодоиска» Керубини

***** «Дон Жуан» Моцарта

стро, а я не могла. Более недели он имел терпение постепенно заставлять меня брать темп скорее и, наконец, добился чего хотел. Помню, как он был доволен и сказал мне: «Видишь, с терпением и трудом можно до всего дойти».

Эти занятия должны были прекратиться к сожалению для меня, но брат, конечно, был в восторге, что, наконец, его давнишнее желание увенчалось успехом, и 25-го апреля 1830 года, в пятницу, он уехал в первый раз за границу.

Странно, что пятницы всегда играли какую-то роль в его жизни. Обе оперы его появились на сцене в этот день: свою жену в первый раз Михаил Иванович увидел в этот же день. И ежели припомнить все, то много случаев было; брат иногда сам вспоминал о них и приводил примеры в доказательство.

ПЕРИОД IV

*От возвращения брата из чужих краев
в 1834 году, 25-го апреля, и приезда его в деревню женатым
в июне 1835 года*

О пребывании брата за границею сообщить ничего не могу. Он писал часто к родителям и всякий раз прибавлял несколько строк ко мне. Жаль, что все эти письма исчезли из Публичной библиотеки¹⁴. В них брат подробно описывал свои впечатления, и какое они имели влияние на его музыкальную деятельность. Но в «Записках» своих он сказал многое об этой поездке.

В 1834 году, 4-го марта, скончался отец наш после долгой и тяжелой болезни, и мать моя просила брата возвратиться в Россию. Но его просить не надо было, он сам, любя горячо мать, спешил своим присутствием утешить ее в страшном горе и в апреле приехал в Новоспасское. Пробыв до июня, справив все нужные бумаги по имениям, он дал матери полную доверенность.

Это время он недолго был в Новоспасском: ездил к родственникам, так что нам немного приходилось быть вместе. В июне брат уехал к Мельгунову. Возвратясь в августе из Москвы, он получил паспорт и уехал в Смоленск, чтобы прямо оттуда, через Вильну, скорее ехать в Берлин. Там была девушка, на которой он хотел жениться¹⁵. Но вместо Берлина он попал в Петербург, по вине непрописанного паспорта на границе.

Брат остановился в Петербурге у начальника юнкерской школы, дальнего родственника нашего, Алексея Степановича Стунеева. Видая часто 16-ти-летнюю девушку, сестру его жены, которая была в самом деле очень миловидна, он влюбился в нее и, когда истек год после кончины отца, испросил согласие и благословение матери на брак. Получив то и другое, Михаил Иванович женился в конце апреля 1835 года, 25-го или 26-го числа¹⁶.

В конце мая брат с женой и тещей приехали в Новоспасское. Радости при встрече их не было конца. Мать, кажется, впервые после смерти отца сняла свое черное платье и хотя все еще очень грустила, но удовольствие видеть брата довольным и счастливым просвечивало в лице ее.

Брат много работал свою оперу «Жизнь за царя», сидя в зале у открытого балкона в сад.

Удивительно, что когда была поставлена «Жизнь за царя» на сцене, то, кроме нашей семьи, никто из родственников и соседей не обратил на это внимание. И когда в 1838 году Михаил Иванович заезжал в Ново-

спасское, то, несмотря на все милости покойного государя к нему, окружающее общество отнеслось к брату совершенно безучастно: оно было так мало развито!

Брат был домосед и в августе 1835 года с семьей своей уехал обратно в Петербург и поселился на Конной площади, в доме, занимаемом ими одними.

После этого раза он уже не проводил лета в деревне. Бывал часто, но ненадолго.

В конце апреля 1838 года брат заезжал в Новоспасское, ехавши в Малороссию, для набора певчих; он пробыл тогда дней пять.

Потом он был у нас в 1839 году, по случаю кончины брата Андрея, чтоб утешить мать: это было в октябре. Пробыв короткое время в деревне, он вскоре возвратился в Петербург, где, узнав о поведении своей жены в его отсутствие, должен был написать ей письмо, в котором в весьма деликатных терминах объявил, что он жить с нею более не может и не будет.

Понятно, что разрыв с женою не мог не повлиять на его мягкую натуру. Он долго старался не предаваться грусти, но к весне 1840 года почувствовал себя очень расстроенным и написал об этом матери. Она немедленно приехала к нему и в конце марта увезла его с собою в деревню, где нервы его немного успокоились. Но он лишился сна, аппетита и в апреле этого же года возвратился в Петербург.

В том же году, в августе, он опять приезжал в Новоспасское, а в начале сентября уехал обратно в Петербург.

В начале 1841 года стало известно, что жена брата, Мария Петровна, вышла замуж за Васильчикова, и был уже кем-то сделан донос консистории о незаконном поступке священника. Брат подал прошение о расторжении брака и приехал к матери на четыре дня. Это бракоразводное дело измучило брата совершенно. Матушка, узнав о нравственном состоянии его, в 1842 году приехала в Петербург, чтобы пожить с братом.

Вторая опера его — «Руслан и Людмила» уже почти совсем была кончена, и брат заранее радовался, что мать будет присутствовать на первом представлении. Это и было исполнено 1842 года, 27-го ноября, в пятницу.

Об этом дне брат пишет в своих «Записках».

А мать говорила мне, что он, сидя с нею в ложе, был страшно взволнован и бледен, и она боялась, чтоб ему не сделалось дурно.

О подробностях этого времени брат пишет в своей автобиографии, равно и о том, что он до 1845 года оставался в Петербурге¹⁷. В этом же 1845 году он заезжал в Новоспасское на короткое время проститься с матерью и со всеми нами и, через Варшаву, уехал в Париж, а потом в Испанию, куда мать ужасно боялась отпускать его; она знала, что там мужья очень ревнивы, а брат был вообще неравнодушен к хорошеньким женщинам. Чтоб успокоить мать, он дал ей слово писать часто: и точно писал каждую неделю. Письма его были очень длинные и интересные.

Пробыл он за границею до 1847 года и в этом году, 28-го июля, приехал в Новоспасское, с испанцем don Pedro.

Младшая сестра наша, Ольга, была невестой, и мы все, близкие родственники, гостили все время в Новоспасском. Жилось очень весело. Брат был здоров; всякий день музыканили очень много. Брат певал один больше свои романсы, но любил и романсы Яковлева и Даргомыжского. Также часто don Pedro брал свою гитару, садился к роялю, брат аккомпанировал ему; вместе они играли и пели разные испанские песни

и мотивы. Эта музыка особенного рода была очень оживленная и интересная; к тому же брат давал мне кастаньетки и указывал, где надо в пьесе употреблять их.

Время шло быстро. В августе нужно было ехать закупать приданое сестре, и мы отправились в еврейское местечко Могилевской губернии — Хиславичи. Там много было контрабанды — можно было купить очень хорошие вещи не дорого, и выбор был большой.

Мать видела уже дурно и потому пожелала, чтоб я ехала с ними. Мы поехали: мать, брат, невеста, я и Pedro, с своей неразлучной спутницей — гитарой.

В Хиславичах был уже заранее приготовлен дом для нас, хорошо меблированный, даже с роялем. Это было во время ярмарки в местечке и потому съезд публики был большой.

Остались еще люди, помнящие брата, и верно они согласятся со мною, что в дни хорошего настроения он был в высшей степени интересен: играл, пел с большим увлечением и часто примешивал к серьезному пению юмористические вещи.

Вообще все это время он был доволен, весел, и в день приезда нашего в Хиславичи, вечером попробовал рояль. Обратясь к don Pedro, он сказал: «Ну, Педруша, позабавим матушку и компанию». Начали музыка, пение. Прежде исполнялись испанские вещи, потом брату вздумалось спеть малороссийскую песню: «Пие куба до Якуба, Якуб до Михала» и т. д. *.

Когда брат кончил, мы услышали на улице аплодисменты и громкие крики многих голосов: «bravo! bravo!»; тогда только оглянулись и увидели толпу, стоящую у открытого окна. Погода была теплая, ясная, и мы не заметили, что оно было открыто; поспешили закрыть его и брат сказал: «Я теперь пропою матушкину любимую вещь». Это было — «Спи, мой ангел, почивай».

Конечно, этот импровизированный музыкальный вечер повторялся во все время, которое мы должны были пробить в местечке.

По возвращении в Новоспасское, брат вскоре захандрил, чувствовал себя нехорошо, не остался на свадьбу сестры, а поспешил в Петербург. В первых числах сентября он уехал из Новоспасского и более уже не был там никогда; но, доехав до Смоленска, он не решился ехать далее, пригласил доктора и, по его совету, остался в Смоленске на всю зиму с 1847 на 1848 год. Я вскоре приехала к нему и пробыла с ним до марта, т. е. до его отъезда в Варшаву. Брат пишет в своих «Записках» об этом времени. Мне остается прибавить, что я, только поживя с ним неразлучно одною жизнью, совершенно поняла брата, его ангельскую, мягкую, добрую душу.

Жизнь наша шла тихо, покойно: мы не выезжали, брат даже не выходил из дому, но у нас бывали многие. Днем мы были всегда заняты: брат писал, читали вместе, он заставлял меня играть и петь. Вечера мы никогда не оставались одни. Брат был весел; музыка, пение его и Педро оживляли общество. День за днем проходили приятно. Мы с братом, как он говорит в своих «Записках», жили «душа в душу».

К нашему общему удовольствию, ту зиму в Смоленске жили родственники наши: Алексей Антипович Шестаков с сыном, дочерьми, и племянницей — М. В. Дровецкой **. В отпуску был тогда у отца Иван

* Эту песню брат в 1852 году, в память этой поездки, написал мне в альбом, который находится теперь в Публичной Библиотеке. — *Примечание Л. И. Шестаковой.*

** Ныне княгиня Друцкая. — *Примечание Л. И. Шестаковой.*

Алексеевич. Мы видались каждый день, ежели не со всеми, то с иными из членов семьи.

Старшая дочь, Мария, была девушка 18-ти лет, красивая, умная, хорошо образованная и воспитанная. Брат ее всегда называл: «Marie aux beaux yeux»*, и она чаще других с братом своим, Иваном Алексеевичем, бывала у нас.

Старику Шестакову хотелось, чтобы мы с братом были у него. Брат согласился; поехали вечером,— знали, что семья будет одна. Провели вечер очень приятно, и не удивительно,— отец Ивана Алексеевича был человек разносторонне образованный, выдающийся среди всех известных людей нашей страны. Брат много говорил с ним и с Иваном Алексеевичем и не заметил, как прошел вечер.

Когда мы уезжали и были уже в шубах, Иван Алексеевич, провожая нас в лакейскую, сказал нараспев: «Прощайте, добрые друзья»; брат сбросил шубу, сел за пьянино и пропел эту свою прощальную песнь. Все, кто слышал, как он исполнял ее, поймут, как был тронут старик Шестаков и другие.

Возвратясь домой, мы узнали, что дворянство желает почтить брата обедом. Вот выписка об этом из его «Записок»:

«Наша тихая и домашняя жизнь продолжалась до 23-го января 1848 года. Дядя зятя моего Измайлова захотел непременно дать мне обед, без всякого сомнения, для того, чтобы поважничать и выставить себя моим покровителем. Несмотря на мое сопротивление, обед состоялся. Распорядителями были комендант Липарский и Гольцев, дядя Измайлова. Меня встретили в зале смоленского Дворянского собрания смоленские сановники, предводитель и главные старшие чиновники под звуки оркестра, игравшего польский из «Жизни за царя». За обедом посадили меня на главное место, между губернатором и губернским предводителем. Обед был действительно великолепный. Он подробно описан полковником Романусом в «Северной пчеле» того же года (12 февраля, № 34)».

После этого обеда брат был постоянно недоволен: должен был выезжать, благодарить того, другого, принимать приглашения на вечера, обеды. Начались неудовольствия, интриги, разные толки за глаза, а друзья переносили их брату. Ежели он у кого-нибудь был, а отказал приглашению другого, делали ему выговоры; одним словом, как говорит Гоголь в «Мертвых душах», пошла писать губерния!

Я старалась ограждать брата от всего ему неприятного, но ничто не могло его успокоить, и в конце февраля 1848 года он уехал в Варшаву.

В этом же году в ноябре он узнал, что мать была в Петербурге, и поехал туда повидаться и побыть с нею.

Это было их последнее свидание. Возвратясь из Петербурга в начале 1849 года, мать уже решительно лишилась зрения. Я была постоянно с нею, исполняла все ее желания и приказания, читала ей, писала под ее диктовку, помогала ей хозяйничать. Болезни у нее никакой не было, но она день ото дня видимо слабела, очень часто днем впадала в дремоту и тихо, покойно уснула навек 30-го** мая 1851 года. Она скончалась в день своего замужества, через 49 лет; ей было 63 года. И в гробу она была красива.

Я сообщила очень осторожно брату в Варшаву о ее кончине; предупредить не могла, потому что доктора, приглашенные мною, не ожидали подобного результата и так скоро.

* «Мария с прекрасными глазами» (франц.)

** См. комм. 1; Е. А. умерла 67 лет.

ПЕРИОД V

После кончины матери

После погребения матушки я просила брата приехать в деревню распорядиться именьями. Он решительно отказался; сам писать не мог, но поручил don Pedro написать мне, что он чувствует себя очень дурно и никогда более без матушки в Новоспасское не приедет. И сдержал свое слово.

Только мне стало возможно по делам, в начале июля я псежала к нему в Варшаву и пробыла там до конца августа.

Брат собирался ехать за границу; я уехала в деревню и принялась устраивать дела брата, как вдруг неожиданно получаю от него письмо из Петербурга, в котором он просит меня приехать к нему.

В конце сентября я поехала в Петербург и, видя, как брат доволен был моим приездом, осталась с ним всю зиму с 1851 по май 1852 года. Эта зима описана братом и мною в прибавлении к «Запискам» его. Мне остается добавить, что он всякое утро вписывал мне в альбом разные мотивы. Этот альбом отдан мною в Публичную библиотеку.

В мае я должна была уехать в деревню к годовичному поминовению матери, а брат, с испанцем don Pedro, уехал в Париж и очень жалел об этом. Не раз он писал мне оттуда следующее: «Глуп я был, зачем я уехал: ведь от добра добра не ищут, а мне так хорошо было с тобою».

Он писал мне часто, и в каждом письме было несколько слов о том, что нам надо еще пожить вместе.

Ранее 1854 года я не могла уехать из деревни: постройка церкви и хозяйственные дела задерживали меня. Да к тому же у меня родилась дочь, крестница брата, и я нашла необходимым побыть с нею хотя первый год на чистом воздухе в деревне. Но только оказалось возможным, я немедленно, именно в апреле 1854 года, поехала в Царское село, где В. П. Энгельгардтом была уже приготовлена для нас дача. Брат не заставил меня долго ждать: 16-го мая я его встретила в Царском.

Не буду описывать обоюдной радости нашей, но скажу, что нам жилось очень хорошо. Дача была большая, удобная; брат не хандрил; погода это лето соответствовала его настроению. Но в августе, когда начались темные вечера, и, к тому же, к этому времени В. П. Энгельгардт, которого брат очень любил, уехал за границу, это подействовало на нервы брата, и он начал торопить меня переездом в город.

Квартира была отыскана в Эртелевом переулке, в доме Томиловой. Мы занимали весь этаж; в анфиладу было пять больших комнат и зал в 4 окна. В этом зале музыканили очень много. Кто только не бывал, кто не пел и не играл! И брат часто, очень часто оживлялся, пел. Сочинял он немного, мелкие вещи; большие начинал, но был ими недоволен. Известно, что он писал тогда симфонию «Тарас Бульба» и оперу «Двумужница», но то и другое, не окончив, бросил. Меня радует, что мне удалось упросить его написать свою автобиографию; хотя она не совсем полна, он многое уже забыл за столько лет, но все интересного много есть в ней. Сначала он как-то неохотно принялся за нее, но потом сам заинтересовался и с любовью продолжал.

Каждое утро в 9 часов он приходил к чаю и прочитывал лист, написанный им. Он, когда был здоров и не хандрил, любил вставать рано и писать что-нибудь, слушая пение птиц, которых у него всегда и везде, где бы он ни был, было очень много; в отдельной комнате они летали по воле.

Мы прожили с братом вместе в Петербурге до отъезда его в апреле 1856 года к Дену в Берлин, чтобы серьезно заняться церковной му-

зыкаю. А в 1857 году, 3-го февраля его не стало. Я узнала об этом через десять дней: окружавшие брата не прислали мне телеграммы ни об его болезни, ни о кончине, а распорядились похоронить брата на самом краю кладбища, где хоронят солдат, тогда как у Дена находилась большая сумма покойного. Похоронив же его, письмом сообщили в Петербург.

Подробности известны. Я испросила у государя разрешение об открытии и перевезении тела брата в Петербург. А памятник, который я распорядилась поставить на короткое время в Берлине и оставила там по вынутии гроба, я видела, когда проездом в 1862 году была в Берлине. У меня есть фотография с него.

Больно было видеть, в какой трущобе брат был погребен!

В. П. Энгельгардт присутствовал в Берлине при открытии тела брата и был поражен, что когда начали вынимать, то гроб развалился.

В эту поездку В. П. Энгельгардта я просила его издать за границу 4 увертюры брата — две от его опер и две испанских — и посвятить их: Мейерберу, Берлиозу, Листу и Дену; кому которую — не помню¹⁸.

Вот все, что я могла тогда сделать; у меня была дочь и я посвятила себя совершенно ее воспитанию. Но судьба не пощадила меня: 31 декабря 1863 года она отняла у меня 10-ти-летнюю девочку, и я, после страшной, острой скорби, когда успокоилась немного, отдала всю себя памяти брата и его музыке.

Описывать все сделанное мною для распространения имени брата и его сочинений — нахожу лишним¹⁹.

Помню слова, не раз сказанные им: «Не забудь моих деток». И я с горячею любовью отнеслась к ним, когда только получила возможность, считая себя счастливой, что могла хоть этим отплатить ему за его постоянную дружбу ко мне и любовь к моей бедной девочке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Не желая повторять сказанного братом в его «Записках» и в моем к ним приложении, напечатанных в «Русской старине» в 1870 году*, равно и — в моих воспоминаниях, помещенных в том же журнале в 1884 году**, я считаю мою задачу конченной. Мне остается сказать только некоторые мелкие подробности о брате, во время его пребывания в селе Новоспасском; описать, насколько сумею, жизнь помещиков 20-х, 30-х и 40-х годов и, наконец, сказать несколько слов о дорогом, погибшем Новоспасском. Начну с брата.

Удивительно, что, приезжая постоянно на каникулы из пансиона в деревню, он взрослым не любил там проводить лета; уверял, что болотные испарения ему вредны, и приезжал всегда по необходимости или проездом на короткое время. Только после женитьбы пробыл долго. Обыкновенно продолжительные его посещения бывали осенью, зимою или раннею весною.

Осенью или весною он иногда ходил в церковь — она была близ сада. После столичной церковной службы, наша деревенская была оригинальна: священник с дьяконом служили просто и хорошо, но дьячок страшно гнусил, а пономарь заикался на каждом слове; к ним присоединялся еще один дворовый человек, и что они выделявали втроем, какие были вариации, рулады — списать невозможно. Брат, пробыв не-

* См стр. 296 наст. изд.

** См. стр. 47 наст. изд.

долго в церкви, возвращался домой и немедленно садился за рояль, чтобы воспроизвести что-нибудь подобное слышанному, но ему это плохо удавалось.

Зимой же брат из комнат решительно не выходил и постоянно сидел у себя наверху в халате на легком заячьем меху. Когда сходил вниз, то надевал сюртук, или венгерку со шнурками. Он тогда не был тучен, а лицом был очень похож на портрет, который помещен в «Историческом вестнике» (1892 г., № 11)²⁰.

Брат никогда не вмешивался ни в политические, ни в хозяйственные разговоры; обыкновенно, когда заговорят о чем-нибудь подобном, он скажет: «Это не по моей части!» и уйдет к себе; там с роялем, книгами, которые привозил с собою, и птицами, он бывал вполне доволен.

Вообще в то время не было обычая выписывать книг и журналов, но с 1825 года родители начали заботиться об этом для семьи, и вот по какому случаю: в этом году старшая сестра моя, Пелагея Ивановна, вышла замуж за Якова Михайловича Соболевского, человека разносторонне и серьезно образованного; у него была прекрасная библиотека, и наши родители, по его совету, начали устраивать у себя небольшую подобную же и стали выписывать газеты. Но какие именно книги и газеты были — не помню.

Брат всегда и везде был очень добр к прислуге. Живя часто за границей, он возмущался крепостным правом. В каждый приезд свой устраивал он угощение крестьянам, а для дворовых людей — балы; сидел там с ними, следил за их танцами, обращался с ними как с равными: говорил, слушал их рассуждения и проч. И брат так доволен был, сделав им праздник, что после дня три был весел, играл, пел и вообще чувствовал себя хорошо.

Когда, бывало, приедут соседи или родственники, он войдет на короткое время, потом скажет, что ему нездоровится, и уйдет наверх.

Танцевать он не любил.

На сцене играл два раза; об этом он пишет в своих «Записках».

Родственников у нас в то время было без конца, но почти все они были люди простые, добрые, мало образованные. Весь их интерес и разговоры заключались в толках о хозяйстве, или разборах о хозяйствах других лиц — где оно лучше, где хуже.

Карточной игры у нас в доме не было, разве только иногда, по необходимости, чтобы занять гостей, любителей ее. Но брат изредка любил поиграть, шутя, в дураки или в свои козыри.

В заключение мне хочется сказать несколько слов об имени, в котором родился брат, селе Новоспасском. Отец мой, по справедливости, гордился им. Сад и цветы приводили в восторг всех посещавших его. Он выписывал растения, кусты, семена и луковицы из Риги, Петербурга и даже из-за границы. Цветы были его страстью до самой последней минуты его жизни; больной уже, он просил уставить его комнату растениями и цветами.

Мы жили в глуши, т. е. в 20 верстах от ничтожного городишки — Ельни и в 100 верстах от губернского города — Смоленска.

Отец имел порядочные средства, и мы жили, по старинному обычаю, в полном довольстве, со всевозможными прихотями, как богатые помещики.

У нас было все свое: ткали ковры, плели кружева, делали разные вышивки; также были: портные, башмачники, маляры, слесари, столляры и проч., — всех около ста человек, может быть, и более. Все помещались семьями в флигелях, которых было от десяти до двенадцати,

кроме дома и двух больших флигелей. Это было маленькое местечко или городок [...].

Было у нас два рояля и фортепьяно. Лучший рояль, Тишнера, который отдан мною в Петербургскую консерваторию²¹, стоял в зале, и когда брат писал «Жизнь за царя», то пробовал на нем сочиненное. Второй рояль был в его комнате, а фортепьяно — в нашей классной.

Гостей бывало у нас очень много: человек 80, иногда более 100, и забирались они надолго. Вот пример. День ангела матери праздновался 24 декабря, а день ангела отца — 7 января, и потому все родственники и знакомые приезжали к 24-му декабря и оставались у нас, чтобы пробыть и 7-е января.

На все это время брался оркестр, хотя у нас был свой, но небольшой, человек 12, и только духовой. Веселью, танцам, песням — не было конца.

Хотя я была тогда маленькой девочкой, но в памяти моей сохранилось, что брат это время никогда не бывал в Новоспасском. Также помню, что наша столовая была очень большая, но гости не вмещались в ней, а ставились еще два длинных стола в двух кабинетах отца, близ столовой. Нас, детей, обыкновенно в праздники за общие столы не помещали.

Забавно бывало расставанье всего этого общества после 7-го января. Видно было из окна, что весь двор заставлен возками, повозками, санями; без преувеличения, экипажей до 20-ти или 25-ти. Начинается прощанье; все уже в шубах, — вдруг кто-нибудь скажет: «А жаль расставаться!» По этому магическому слову шубы снимаются, экипажи стъезжают и веселье начинается попрежнему.

Так продолжалось несколько дней, но, наконец, спокойствие и тишина водворялись в доме до следующего случая.

Отец не охотился с собаками никогда; но у него был свой очень хороший конский завод, и он любил зимою нестись на санях по очищенному льду на реке Десне, на бойкой тройке, подкованной на острые шипы. Но что более всего занимало отца — это оранжереи, теплицы и сады.

Опишу, как умею, что было устроено моим дорогим отцом. Ему досталось Новоспасское без всяких украшений.

Он выстроил прекрасный, роскошный дом. Все потолки были расписаны лучшими московскими мастерами того времени. Во всех парадных комнатах были бархатные обои, купленные им самим в Петербурге. Мебель была в каждой комнате из особого дерева. Великолепные зеркала, паркет, люстры, лампы. Одним словом, — роскошь во всем. Все было сделано с таким вкусом и изяществом, что ежели бы перевезти наш дом в Петербург, то он не был бы одним из последних. Выстроен был он весь из дуба и сосны — прочного, хорошего леса; но о нем в конце придется еще сказать несколько слов.

Цветочный сад простирался в окружности более шести верст. Прямо от балкона шел покатом большой луг к реке. Но так как влево была мельница, то плотиною задерживалась вода и тут образовывалось как будто широкое озеро; на нем был остров, где стояла прелестная беседка, а из сада к ней был устроен ручной паром. В беседе этой часто готовились сюрпризы: мороженое, ананасы, персики, виноград и проч. Влево же от мельницы, на крутой горе, стояла церковь, к которой вела широкая дорожка от балкона.

Огромный сад был весь усеян цветами; фонтаны, каскады, островки, полуостровки, с разными причудливыми мостиками; галереи, беседки были со вкусом окрашены и убраны вьющимися цветами. Неожжи-

данности попадались на каждом шагу: то какая-нибудь арабеска с невиданными цветами, то мостик, которого не ожидаешь.

Но любимым местом отца был «Амуров лужок». Он его придумал сам и назвал так, потому что ему вздумалось весь луг засадить разными великолепными розанами, между кустов проделать дорожки, а в середине лужка поставить статую Амура. Правда, что этот луг был очень красив.

Мы катались по Десне; у нас были две шлюпки: одна — большая, в которой помещались мы все и гости, а другая — маленькая, для наших музыкантов.

Хорошо помню имена последних и духовые инструменты, на которых они играли разные песни. Их было 12: два фагота, две валторны, два кларнета, две флейты, два гобоя и еще два каких-то инструмента. Два бедных гобоиста не вынесли и умерли от чахотки; один из них был сын моей няни, и я с нею горько о нем плакала.

Цветочный сад находился со стороны фасада с балконом, а с противоположной стороны был парадный подъезд, потом двор, усыпанный песком, с круглым большим лугом, на котором брат устраивал для прислуги и крестьян качели разных образцов, а зимою — горы.

За этим лугом, на возвышенном месте, был громадный фруктовый сад; им занималась уже мать моя.

При этом саде были оранжереи, в которых находились персики и сливы всевозможных сортов: из них выдающимся были персики венусы, величина которых была с большой кулак, и другие фрукты; все в таком огромном количестве, что варили, мариновали и рассылали соседям. Также были теплицы, сараи для заграничных фруктов, ананасницы, виноградники, парники — и все это не по одному или по два, а по нескольку, — и занимали такое же обширное пространство, как английский сад: так называли у нас цветочный.

К празднику пасхи приносили постоянно большие горки — из лестниц с обеих сторон, ставили их у балконов в комнатах и устанавливали цветами и растениями из оранжерей. Садовники следили за ними, а когда делалось теплее, ими убирали балконы.

Все это делалось при отце; но, по кончине его в 1834 году, матушка, не имея возможности приобретать так много, как отец, и имея еще на своей ответственности трех сыновей и столько же незамужних дочерей, сократила все расходы, отбросила роскошь, прихоти, приемы и предалась совершенно делу и семье. Скончавшись же в 1851 году, она оставила село Новоспасское в цветущем состоянии и полном порядке, с нетронутым большим лесным заказом.

Последние годы жизни матери я управляла, под ее руководством, Новоспасским и всеми делами, и она, зная, что брат любит меня более других, неоднократно просила меня заботиться о нем, когда ее не будет. Она настойчиво высказывала желание: что ежели брат вздумал бы продавать Новоспасское, или каким-нибудь образом оказалась бы возможность мне получить это имение, то чтоб я передала его ее любимой меньшей дочери, Ольге.

После кончины матери я заведывала делами брата, как и при ней, ничего не убавляя и не прибавляя. Каждое лето бывала там, и, когда умер брат в 1857 году, имение осталось в том же виде, как при матери.

Брат сделал меня, по духовному завещанию (засвидетельствованная копия оного хранится у меня), полною и единственною наследницею всего его состояния. И я в том же 1857 году, осенью, передала Новоспасское купчею сестре моей, Ольге Ивановне Из-ой. Сестра

Ольга горячо любила Новоспасское; часто, бывши замужем, гостила месяцами у матери, а получив его от меня, занялась им серьезно.

Не знаю, улучшила ли она что в нем, но, наверно, ничего не упустила; и, будь она жива, нет сомнения, что оно и теперь осталось бы у нее, — она так глубоко ценила его. Но судьба решила иначе. В 1859 или 1860 году она умерла от дифтерита²², а ее супруг, Н. А. Из-ов, женился вскоре на другой. Он был военный генерал, никогда не занимался хозяйством, жил в столице. Несмотря на то, что Новоспасское несколько сот лет принадлежало Глинкам, равно и на то, что там были погребены вся семья наша и сестра Ольга, его первая жена, оно не было ему дорого: протянув несколько лет, продав лес и проч., он в 1875 году, наконец, продал все имение коломенскому богачу, купцу Федору Тимофзевичу Рыбакову.

Узнав об этом, я хотела немедленно выкупить Новоспасское, но не имела средств, а надо было 60.000 рублей. Рыбаков же в 1879 году разобрал и перевез дом из Новоспасского к себе в Коломну.

И теперь в Новоспасском не осталось камня на камне, и нет следа того, что покойные родители воздвигали с таким старанием и любовью; где потрачено столько сил тружениками крестьянами и дворовыми людьми. С болью в душе вспоминаю об этом. Одно только должно служить мне успокоением — это то, что я исполнила просьбу матери.

Л. И. ШЕСТАКОВА

М. И. ГЛИНКА В ВОСПОМНЕНИЯХ ЕГО СЕСТРЫ

I

Брат мой, М. И. Глинка, родился, как известно, в 1804 г.; я же в 1816 г.; именно в тот самый год, когда брат был определен в Петербург в благородный пансион при университете, что ныне Первая гимназия¹. Помню только, как во сне, что на каникулярное время брата привозили иногда в деревню. Впервые же я сознательно помню его, когда он, в 1824 году, молодым человеком уже, приехал к какому-то семейному празднику в деревню: был в синем фраке с бронзовыми пуговицами и привез свой поясной портрет в таком же костюме (портрет у меня и после моей смерти должен поступить в императорскую публичную библиотеку, потому что он был удивительного сходства с оригиналом^{*}). Помню я этот приезд брата по следующей забавной выходке с моей стороны: долго смотрела я на портрет и потом, подойдя к брату, сказала: «братец Мишенька, почему у маленького братца Мишеньки ножки нет, он бы со мною бегал». Помню, что брат засмеялся, взял меня на руки и побежал, сказав: «я с тобой побегаю».

С 1824 по 1829 год брат приезжал несколько раз в деревню на короткое время. В 1829 году, в июне месяце, он приехал в деревню и пробыл до апреля 1830 года. В продолжение этих десяти месяцев, он, несмотря на свою хандру, на свои мнимые и действительные недуги, постоянно занимался со мною науками и музыкою аккуратно два или три часа в день, даже сам набросал для меня уроки из гео-

^{*} Портрет брата, М. И. Глинки, о котором говорится, отдан мною П. М. Третьякову, в его галерею в Москве².—Примечание Л. И. Шестаковой